

**ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО КУРДИСТАНА В ПОЛИТИКЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1918–1920) НА ОСНОВАНИИ ИЗУЧЕНИЯ
БРИТАНСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

© 2025

К. В. Вертяев¹

Британская оккупация Месопотамии во время и после окончания Первой мировой войны, её отторжение от Османской империи оказали долгосрочное влияние на политическое будущее созданного британцами мандатного государства Ирак (1920), в равной степени как и на всю внутреннюю политическую динамику Ближневосточного региона. Вопрос создания независимого Курдистана не был в числе актуальных политических повесток того времени, тем не менее именно в период британской оккупации Месопотамии (1918–1920) курды Южного Курдистана ближе всего находились к возможности создания курдского независимого государства, которая по разным причинам оказалась упущенной. На основании изученных автором британских архивных источников в статье анализируется курдская политика Великобритании как государства-мандатария в период оккупации Месопотамии и причины, повлиявшие на тот факт, что курдское государство в указанный период так и не возникло.

Ключевые слова: Курдистан, Великобритания, Османская империя, Ирак, Иракский Курдистан

Для цитирования: Вертяев К. В. Проект создания независимого Курдистана в политике Великобритании после Первой мировой войны (1918–1920) на основании изучения британских архивных документов. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 183–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-183-194

**THE PROSPECTS OF AN INDEPENDENT KURDISTAN IN BRITISH POLITICS
AFTER THE END OF WORLD WAR I (1918–1920). BASED ON A STUDY OF
THE BRITISH ARCHIVES**

Kirill V. Vertiaev

The British occupation of Mesopotamia during and after the First World War, its separation from the Ottoman Empire, had a long-term impact on the political future of the British-created Mandatory State of Iraq (1920), as well as on the entire internal political dynamics of the Middle East region. The issue of creating an independent Kurdistan was not among the pressing political agendas of that time, however, it was during the British occupation of Mesopotamia (1918–1920) that the Kurds of Southern Kurdistan were closest to the achievement of creating an independent Kurdish state, which for various reasons was missed. Based on the British archival sources studied

¹ Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, с.н.с. Института востоковедения РАН, Москва; kitez@mail.ru

Kirill V. Vertiaev, PhD (Political Science), senior research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; kitez@mail.ru

by the author, the article analyzes the Kurdish policy of Great Britain as a mandatory state during the occupation of Mesopotamia and the reasons that influenced the fact that the Kurdish state never emerged during this period.

Keywords: Kurdistan, Great Britain, Ottoman Empire, Iraq, Iraqi Kurdistan

For citation: Vertiaev K. V. The Prospects of Independent Kurdistan in British Politics After the End of the World War I (1918–1920). Based on a Study of British Archives. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 183–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-183-194

Как известно, по завершении Первой мировой войны произошла британская оккупация Месопотамии и Южного Курдистана, что явилось одним из факторов, ознаменовавших последовавший распад Османской империи. В целом это был сложный и противоречивый период, который оказал глубокое влияние на историю и дальнейшее развитие региона. Британия впервые оккупировала доселе незнакомую для британцев Месопотамию и Южный, а также частично Восточный (Персидский) Курдистан, выйдя на момент заключения Мудросского перемирия 31 октября 1918 г. к городу Алтын Кеprü в районе Киркука. При этом такие города как Мосул, Эрбиль, а также Сулеймания оставались вне зоны фактической военной оккупации Британии. Британцами был выдвинут ультиматум, и командующий 6-й Османской армией отдал приказ о выводе турецких войск из всего Мосульского вилайета [PRO, AIR 20/513, 1918].

Британская оккупация региона имела далеко идущие последствия, включая установление здесь политической и социальной динамики, которая продолжает формировать историю и политику Ирака по сей день. Можно сказать, что наследие британского колониализма в Месопотамии оказало долгосрочное влияние на внутреннюю динамику региона и его отношения с международным сообществом.

В период Первой мировой войны части территории нынешнего Иракского Курдистана находились попеременно под российской, британской и турецкой оккупацией (как османской армией, так и армией созданного затем нового Анкарского правительства).

Британская оккупация оказала прямое воздействие не только на становление и подъём курдского национализма, но и на приведение в действие маховика процессов, в результате приведших к возникновению здесь уже в наши дни автономного региона Курдистан в составе Ирака, претендующего на полную независимость. В поле зрения исследователя при этом находится обширный массив событий военного, дипломатического и политического характера. Библиографическим базисом для такого изучения становится в основном британский архивный массив по линии британских министерств (Форин офиса, Министерства по делам Индии, Военного министерства), а также мемуарная литература. Важнейшим источником информации о представлениях британских военных и политических комиссаров о курдах и Курдистане являются «Ежемесячные отчёты политических офицеров на оккупированных территориях» (1919)², доступные онлайн в Национальной цифровой библиотеке Катара. Примечательно, что в катарской библиотеке присутствуют документы, которые могут быть засекречены или недоступны в британских архивах.

Отвечая на вопрос, почему в рамках утвердившегося после Первой мировой войны Версальского мира не возникло государство Курдистан, следует сразу оговориться, что история не терпит сослагательного наклонения. Причины, по которым так и не возникло независимое государство Курдистан, обозначенное ещё в Севрском договоре 1920 г., остаются спорными, не всегда очевидными. Изучение британской политики именно в отношении курдов не может опираться на какую-то прочную научную традицию, поскольку многое здесь происходило впервые. Как справедливо отмечал М. С. Лазарев, выдвижение курдского вопроса на авансцену международных

² www.qdl.qa.

отношений в Ближневосточном регионе после Первой мировой войны было новостью для своего времени [Лазарев, 1989, с. 7]. В этом контексте мы будем абстрагироваться, имея в виду не весь Курдистан как историко-этнографический регион, разделённый границами четырёх государств, а только Иракский (Южный) Курдистан как основной объект данного исследования, в современных условиях претендующий на политическую субъектность вплоть до создания отдельного государства.

Вопреки устоявшемуся мнению, Великобритания до заключения договорённостей Хусейна-МакКона в 1915 г. не рассматривала вопрос расчленения ни Османской, ни тем более Персидской империй. Более того, Великобритания выступала за консолидацию центральной власти в империях. Строительство немцами Багдадской железной дороги рассматривалось как инструмент геополитического влияния Германии в регионе и как следствие — прямая угроза торговым интересам Англии. При этом экономические интересы, в частности, контроль над нефтеносным Мосульским вилайетом становились определяющими. Однако отчётливо нефтяная тема нигде в доступных донесениях особо не акцентировалась.

До середины Первой мировой войны внешняя политика Англии стремилась защитить территориальную целостность Османской империи и особенно проливов с предотвращением гипотетической российской угрозы им, а также нефтяным регионам Персидского залива. Исходя из этих приоритетов, британцы в начале войны не собирались оккупировать Месопотамию.

Однако на таком фоне выкристаллизовывался ещё один приоритетный фактор направления интересов британской политики в отношении Месопотамии — нефть. Изначально под нефтяным фактором в большей степени подразумевались не собственные нефтяные ресурсы региона, промышленное использование которых началось в Киркуке только в 1927 г., а безопасность нефтяных регионов в Персидском заливе как важный параметр, который определял политику британцев в Месопотамии. Так, в докладе комиссии де Бунсена 1915 г. указывалось, что хотя курдские районы имели меньшую экономическую ценность по сравнению с их стратегическим значением, «это все равно делает для нас желательным перенос нашего контроля на Мосул, в окрестностях которого есть ценные нефтяные месторождения, владение которыми другой державой нанесло бы ущерб нашим интересам» [Eskender, 2012, p. 26].

Как следует из изученных архивных документов³, основные и устойчивые дебаты о будущем Курдистана начались вскоре после Мудросского перемирия и датируются примерно 1919–20 гг. При этом Британия отказалась поддерживать сепаратизм персидских курдов, поскольку это бы сказалось на её престиже на международной арене, так как Персия была отдельным государством. Таким образом, к моменту Мудросского перемирия в ноябре 1918 г. правительство Великобритании, имевшее контакты с такими курдскими националистами, как Шериф паша (Южный Курдистан) и Бедирханы (Северный Курдистан), было как минимум осведомлено о планах курдов создать независимое государство. На Парижской мирной конференции державы-победители наметили для курдов процедуру создания собственного государства, что было закреплено условиями Севрского договора 1920 г. В соответствии с ним державы-победители предусматривали гипотетически автономный или независимый Курдистан к востоку от Евфрата, к югу от Армении и к северу от турецкой границы с Сирией. Однако многие курды юго-восточной Анатолии в тот период были вовлечены в повстанческое движение революцией, которая поднялась в Турции под руководством Мустафы Кемала, и перспектива возникновения независимого Курдистана на этих территориях была весьма туманной.

По сути, как государственное образование Ирак был создан в 1920 году путём выделения в него трёх вилайетов Османской империи: Басра, Мосул и Багдад. Однако вопрос о включении

³ Многие из них доступны онлайн на сайте Национальной цифровой библиотеки Катара, а также в сборнике британских архивных документов о курдах: Records of the Kurds. Cambridge University Press, 2016. Vol. 5–6.

вместе с Мосулом в состав Ирака и курдов оставался дискуссионным. В апреле 1920 года Лига Наций на конференции в Сан-Ремо выдала мандат на управление Ираком Великобритании, что окончательно оформило зависимый от Британии статус Ирака, который впоследствии стал королевством после подписания англо-иракского договора 10 октября 1922 года. Конференция определила распределение мандатов класса «А» Лиги Наций по управлению территориями бывшей Османской империи на Ближнем Востоке. Точные границы всех территорий остались неопределёнными. Решения конференции были включены в оставшийся нереализованным Севрский мирный договор 1920 года, но так как Турция его отклонила, они были окончательно утверждены Советом Лиги Наций лишь 24 июля 1922 года до принятия Лозаннского договора 1923 года. Несмотря на это, дискуссии о будущем Курдистана и целесообразности его включения в состав Ирака ещё продолжались, особенно после Каирской конференции, созванной по инициативе Черчилля, военного министра и министра по делам колоний. Это наглядно было продемонстрировано в переписке Черчилля и Перси Кокса, активно выступавшего за включение Южного Курдистана в состав Ирака по экономическим и геостратегическим интересам, и его точка зрения в итоге и победила [Olson, 1992, pp. 29–45].

Севрский договор был заменён Лозаннским договором (1923) — соглашением, которое признало новое национальное правительство Турции, базирующееся в Анкаре. В отличие от Севра, этот новый договор не содержал прямых ссылок на курдов, не говоря уже о признании их национальных прав. Населённые курдами районы в юго-восточной Анатолии («Северный Курдистан») остались под турецким правлением, в то время как окончательный статус оккупированного Великобританией вилайета Мосул и его населённых курдами подрайонов («Южный Курдистан») — источника разногласий между Великобританией и Турцией — были переданы на рассмотрение Лиги Наций. Три года спустя дипломатической борьбы между Турцией и Англией Лига передала бывший Османский вилайет поддерживаемому Великобританией Хашимитскому Королевству Ирак, и раздел Османского Курдистана, под которым подразумевались курдские земли под контролем Османской империи, был завершён [Hugewitz, 1979, pp. 143–146].

Научная проблема в плане объективной оценки роли Великобритании в том, что курдское государство так и не возникло, никак не отменяет роль иных неблагоприятных для курдского национального движения в тот период факторов, к которым, помимо вышеуказанных, стоит, безусловно, отнести и мобилизационный потенциал кемалистского движения в Турции в указанный период.

В этой связи особый интерес представляет выпущенное Кембриджским университетом в 2015 г. 11-томное издание «Records of the Kurds (1847–1979)», содержащее британские архивные документы, донесения военных, переписку дипломатов, имеющих отношение к курдам и курдскому вопросу. Многие из них ранее оставались недоступными для российских исследователей. Наблюдения аспектов формирования курдского национализма и территориальности даны здесь в контексте британских интересов в регионе, отражая как тогдашние политические предубеждения, так и заблуждения отдельных авторов. Они сосредоточены главным образом на всеобъемлющей перспективе более широких дипломатических отношений британского правительства с Персией, Россией и Турцией. В них, в частности, большее внимание уделяется мониторингу международных пограничных споров и пограничных вопросов, оценкам стратегических вопросов обороны против любого возможного вторжения в Британскую Индийскую империю, нежели вопросам озабоченности в поддержке тех или иных национально-освободительных движений. Также интересы Британии концентрируются здесь и на коммерческом аспекте с целью установления каналов для торговли английскими товарами. Великобритания не стремилась напрямую установить свою собственную региональную гегемонию в Курдистане, и поэтому можно утверждать, что эти

документы в совокупности своей раскрывают курдскую политику Великобритании с определённой степенью нейтралитета.

Главным направлением британской политики в части керзоновской доктрины «безопасности Индии» было сохранение контроля над эмиратами Персидского залива. Безусловно, приоритетным направлением британской политики на Востоке являлось установление контроля над Южным Кавказом и Каспием по той же причине — с его нефтяными ресурсами, тем более что на них прямо претендовала также Германия. При этом ориентиры на установление британского контроля над Мосульским вилайетом с его к тому времени уже более-менее изведанными нефтяными запасами отчетливо не звучали в британских дипломатических донесениях и переписке того времени.

Поистине катастрофическое положение, сложившееся на Кавказском и Персидском фронтах после падения российской монархии, побудило Великобританию жёстко взять инициативу решения проблем Кавказа в свои руки, стараясь использовать данную ситуацию в собственных интересах, несмотря на ограниченность сил и ресурсов после Первой мировой войны (пример тому — провальная миссия Дастенфорса в Баку в 1919 г.⁴). Вторым аспектом являлось использование Британией военного потенциала Британской Индии в деле оккупации Месопотамии. В 1917 г. Восточный комитет Военного кабинета посчитал, что Британская Индия была истощена в Месопотамии, и решил избежать отправки дополнительных войск в Иран из Европы, отправив миссию отборных людей для обучения местных новобранцев в Тифлисе. Военное министерство обязалось предоставить 150 офицеров и 300 унтер-офицеров для организации местных сил самообороны и замены русской Кавказской армии [Nicholson, 1962, p. 233]. Французы взяли на себя ответственность за район к северу от Кавказа [Bean, 1941, p. 113]. На завершающем этапе Первой мировой войны, когда речь зашла о новом колониальном переделе, для координации военно-политической деятельности Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, Кавказе и в Центральной Азии был создан указанный выше Восточный комитет.

По мнению целого ряда курдских учёных, после завершения Первой мировой войны именно Англия находилась в той позиции, которая позволяла обеспечить возникновение независимого Курдистана на обломках Османской империи. Поэтому в целом курды приветствовали расширение британского контроля на Западный и Южный Курдистан — во многом за счёт пропаганды стран-союзниц. Так, в Архиве внешней политики России удалось обнаружить письмо Британского Форин-офиса на имя российского посла временного правительства в Лондоне Набокова о согласовании текста прокламаций к вражеским османским войскам в апреле 1917 г., которые предлагалось разбрасывать с самолётов, где, помимо прочего, содержались призывы на турецком языке освободить «земли Хиджаза, Курдистана, Сирии и Ирака от османского владычества»⁵.

В связи с падением в 1917 г. российской монархии привычные горизонты британской политики на Кавказе и Ближнем Востоке оказались размытыми. Впрочем, в любом случае главной целью Великобритании оставалось стремление значительно ослабить позиции своих соперников на Ближнем и Среднем Востоке в лице Германии и Турции, а также теперь ещё и нейтрализовать Советскую Россию путём отторжения от неё Кавказа и Туркестана. Британская политика для достижения своих целей использовала благоприятные региональные факторы: образование различных правительств на осколках бывшей Российской империи, противоречия между ними и центральной российской властью.

⁴ Dunsterforce — название военной миссии Британии, созданной в декабре 1917 года и названной в честь её командующего, генерал-майора Лайонела Данстервилля. Силы состояли менее чем из 350 австралийских, новозеландских, британских и канадских офицеров и унтер-офицеров, которые были набраны с Западного и Месопотамского фронтов и предназначены для организации поддержки повстанцев (в частности, в северном Иране (Персии) и на Южном Кавказе), чтобы заменить царскую армию, которая сражалась с османской армией в Армении.

⁵ АВПРИ. Ф. «Политархив» F.O.S.W.I. № 66881/N/50/ April 2, 1917. Письмо послу Набокову.

До начала Первой мировой войны Британия видела Россию главным соперником расширения своего влияния на Ближнем и Среднем Востоке, взяв на вооружение миф о «русской угрозе» британским владениям в Индии, который лишь усилился после окончания Первой мировой войны на фоне активизации на Ближнем и Среднем Востоке большевистских агитаторов и местных сторонников советской власти. Многие ближневосточные проблемы рассматривались в Британии через призму англо-русского соперничества, независимо от того, какой режим находился у власти в России.

В момент военной оккупации Британией Месопотамии среди местных курдских национальных элит не было единого мнения о путях к независимости Курдистана. Многие из них уверовали, что союзники, и особенно Англия, воспринимают курдов и Курдистан как национальное движение, нацеленное на создание независимого курдского государства и что их интересы и интересы Англии совпадают. В этом они ошибались.

Британское правительство было гораздо больше обеспокоено ситуацией, вызванной отступлением России из Персии и поражением британцев на Кавказе (в частности, провалом миссии Данстерфорс в Баку). Из-за трудностей с сохранением передовых британских постов в Месопотамии и обеспечением надлежащего снабжения войск в Персии Киркук пришлось британцам временно оставить. Шейх Махмуд был назначен британским представителем в Сулеймании, а британские войска были отведены в Кифри и Туз.

Шейх Махмуд Барзанджи (1878–1956) был одной из ключевых фигур, на кого британцы делали ставку в деле создания независимого Курдистана сразу после Первой мировой войны, тем более что он оказывал поддержку действиям англичан ещё в её начале и рассматривал покровительство британской короны как козырь для создания курдского государства под своим управлением. Однако вскоре англичане поняли, что власть шейха ограничивалась лишь районом Сулеймании и несколькими курдскими племенами по другую сторону персидской границы, не распространяясь на весь Курдистан. При этом сам шейх был крайне недоволен диктатом со стороны британских офицеров и уже в 1919 г. провозгласив Королевство Курдистан, поднял восстание, подавленное англичанами с помощью индийских войск. Правление шейха Махмуда в британских архивах описывается как крайне неэффективное, построенное на кумовстве.

На протяжении длительного периода наиболее последовательными сторонниками независимого Курдистана выступало семейство Бедирханов из рода некогда могущественного эмира, чья власть в регионе была прекращена в результате турецкой политики Танзимата в середине XIX века. 7 декабря 1919 года Комитет Независимого Курдистана в Каире под руководством семейства Бедирханов, обеспокоенного актуализацией армянских национальных интересов в отношении территорий, считавшихся Курдистаном, направил в британское консульство письмо следующего содержания: *«армянский вопрос возник не из-за армян и не из-за нас, а из-за России, которая, желая присоединить Курдистан к своей огромной империи и открыть таким образом проход для себя Персии и Индии, была первой, кто разжёл раздор между армянами и мусульманами... Мы не притворяемся, не утверждаем, что у армян никогда не было собственного королевства или что они не заслуживают компенсации за понесённый урон, но мы утверждаем, что две несправедливости не делают зрелища, и что **Курдистан существовал задолго до армян**, и курды совершенно невиновны в том, что разрушали их страну, Курдистан не может быть стёрт с лица земли, нужно исправить несправедливость, совершённую римлянами, византийцами, туркоманами, татарами, русскими, персами»* [Records of the Kurds, 2016, vol. 5, pp. 77–78].

На фоне подобных требований курдских националистов объективной целью Англии как оккупирующей державы на тот момент была поддержка курдских вождей для восстановления нормальной экономической, социальной и административной жизни на подконтрольных территориях,

которые Великобритания изначально оккупировать не собиралась. Поэтому идея независимости курдов то возникала на горизонте интересов английского истеблишмента, то исчезала.

Политическим комиссаром они назначили в регион майора Э.В.К. Ноэля — сначала в Киркук, потом в Сулейманию. Ноэль хорошо знал регион и курдов и сыграл ведущую роль в попытках создать независимый Курдистан. Оценивая потенциал повстанческого курдского движения, майор Ноэль делает следующий комментарий: *«у арабов гораздо более панисламская ориентация, чем у курдов. Ислам занимает гораздо большее место на горизонте арабов, чем любой вопрос о национальности, тогда как у курдов национальный вопрос, я уверен, затмит все остальные. В настоящее время, возможно, этого и не произойдёт, потому что сознание национального существования и стремлений не пробудилось должным образом, но то, что это сознание пробудится, — это факт, который всё больше и больше впечатляет меня. Из вышесказанного следует, что курдом будет гораздо легче управлять, чем арабом, при условии, что он почувствует, что развитию его страны по национальному признаку уделяется должное внимание. Более того, курд очень восприимчив, и большой выход избыточной энергии найдётся в развитии искусств и ремёсел, которое последует за введением здесь современного метода управления»*. В этой связи он отмечает, что хорошо известно, что на месторождениях и нефтеперерабатывающих заводах Англо-Персидской нефтяной компании на юго-западе Персии лучшими механиками являются курды, многие из которых дослужились до значительных ответственных должностей» [FO 371/4192, 1918, p. 9].

Прибыв в регион в ноябре 1918 года, Ноэль немедленно приступил к созданию новой административной системы, которая считалась бы приемлемой для жителей региона.

Британцы прислали самых способных офицеров политической разведки, которые имели опыт работы в Индии и могли оставаться в курдских регионах после войны, чтобы поддерживать контакты Британии с курдами, особенно с вождями племён. Официально Британия воздерживалась от открытой поддержки курдского национализма в деле создания независимого Курдистана. Но можно сказать, что полевые работы по созданию курдского государства-сателлита начались уже в 1918 г. Британская администрация в Багдаде связалась с влиятельными вождями курдских племён в Сулеймании, дала им различные обещания, предоставила этим племенам деньги, оружие и технику [Records of the Kurds, vol. 5, p. 112].

Британия хотела укрепить своё господство над Месопотамией, поэтому вела здесь активную агитацию. С 1 января 1918 года британская пропагандистская война в Багдаде шла с помощью курдской газеты «Тегехиштини Расти» («Толкование действительности»).

Офицеры британской оккупационной армии отмечали важную пропагандистскую роль этой газеты. «Тегехиштини Расти» издавалась на курдском языке, выходила два раза в неделю, готовилась специалистами британской армии в Ираке, но преподносилась как курдская национальная газета, посвящённая истории, языку, поэзии и культуре этого народа. Это была газета, в которой сравнивалось правление Британии с османским правлением (естественно, не в пользу последнего), а также подчёркивалось то, что курдский язык, культура и религия улучшились в Британии и улучшили положение курдов, живших ранее под османским правлением. Газета выходила в 1918–1919 годах, было опубликовано 66 номеров. Имя редактора в газете не фигурировало, но известно, что им был сержант Эли Баннистер Соун — известный британский офицер, востоковед, знающий курдский язык, которому помогал курдский поэт Шукри Фадли.

Британцы придавали большое значение выпуску новых газет, листовок и брошюр для пропаганды не только среди курдов региона, но и среди других народов. Фактически после оккупации части персидской территории в регион из Лондона были поставлены наборные машины и другое оборудование. Оккупационная администрация издавала в Ираке газеты на шести разных языках,

включая фарси, арабский и курдский. Две из них были ежедневными, а их тираж составлял около двух тысяч экземпляров. Три газеты выходили два раза в неделю, а одна — раз в две недели. Это были газеты «Аль Араб», «Дар уль-Салам» (на арабском), «Басра Авукаты» («Защитник Басры») на фарси, «Герчегин Сеси» («Голос правды»), «Иракин Зафери» («Победа Ирака») на турецком, «Тегехиштини Расти» («Толкование реальности») на курдском. Помимо этого, издавались ежедневные английские газеты, такие как Baghdad Times и Persia Times. Несмотря на все эти усилия, публикационно-дистрибьюторская и пропагандистская деятельность британцев, похоже, не удовлетворила, и они запросили больше персонала и материалов из Египта и Лондона для публикации большего количества журналов и газет по актуальным политическим, социальным, экономическим и научным вопросам региона [İşgal Yonetimi, 2016, s. 250–261].

Майор Ноэль писал о курдах: «Национальные чувства здесь настолько сильны, что я не вижу препятствий для создания здесь Курдистана под нашей защитой, с контролем со стороны наших политических офицеров, общей политикой» [Records of the Kurds, vol. 5, p. 75].

Примечательны его донесения во время нескольких поездок в северный Курдистан, находившийся вне зоны британской оккупации, что вызывало критику ряда британских административных лиц. Ноэль писал: «Я объехал лишь небольшую часть курдской страны, но везде встречал сильное национальное чувство — единодушие... Даже крестьяне, которые начинают с того, что говорят, что они находятся под контролем своей знати, если настоять, выступают с тем же мнением — что курды должны быть признаны как нация и должны иметь собственное правительство» [Records of the Kurds, vol. 5, p. 76].

Ещё одним сторонником независимого Курдистана был Марк Сайкс, который за месяц до своей смерти от испанки в Париже в феврале 1919 г. писал Жоржу Пико, что намеревается «предложить создание независимого курдского эмирата, включая Мосул, и это независимое государство должно находиться под защитой Британии» [Records of the Kurds, vol. 5, p. 245]. Пико отверг это предложение как приносящее в жертву интересы тех христианских народов, которые Франция традиционно защищала. Смерть Марка Сайкса от испанки в феврале 1919 г. лишила курдов важного сторонника их независимости, знатока и исследователя курдов и, по иронии, соавтора печально известного соглашения Сайкса–Пико, самовольно разделившего этнический Курдистан в 1916 г.

В самом британском истеблишменте существовали разногласия во мнениях по поводу необходимости независимого Курдистана, в основном — между британскими экспертами в Министерстве иностранных дел и экспертами в Индийском министерстве. Эти различные мнения кристаллизовались на Каирской конференции, состоявшейся 12–30 марта 1921 года, где обсуждалась британская политика на Ближнем Востоке. До конференции полковник Арнольд Уилсон, исполняющий обязанности гражданского комиссара по Месопотамии, настоятельно подчёркивал стратегическое значение Мосула для Британской империи и рекомендовал присоединить Мосул к Багдаду. Во время конференции Хьюберт Янг призвал к созданию «отдельного государства [Курдистан], «чтобы действовать как стратегический буфер против любой будущей кемалистской угрозы Ираку» [Eskander, 2012, p. 114]. Выступая против этого, британский верховный комиссар Месопотамии Перси Кокс также призвал к присоединению Мосула к Багдаду.

Несмотря на протесты Вильсона, 6 декабря вся проблема Курдистана была рассмотрена в Индийском офисе после консультаций с офицерами, имеющими недавний опыт работы в этих регионах. После этого Монтегю дал несколько новых рекомендаций. Соответственно, Южный Курдистан получит автономию и останется в британской сфере влияния. Государство Южный Курдистан со столицей в Сулеймании будет финансово и политически отделено от Месопотамии и будет управляться курдским исполнительным советом, которому будут помогать британские советники,

назначенные гражданской властью в Багдаде. На северо-западе под властью Бедрханов будет создано ботанско-курдское государство со столицей в Джазире. Внешние границы этого государства не представляли интереса для британского правительства. Поскольку полное изгнание турок из Курдистана больше не было практически осуществимым, границы Месопотамии будут защищены от турецкой агрессии дружественным государством Ботан на северо-западе.

После решения американского сената и обретения турецкими националистами полного контроля над Анатолией Великобритания и Франция к 1920 году разграничили пределы своих сфер влияния на Ближнем Востоке. В то время как Великобритания отказалась от своих намерений в Юго-Восточной Анатолии, Франция искала средство отступления из Киликии. Это означало отказ от всех надежд на создание великой Армении и автономного Курдистана. Таким образом, требовалась полная политическая трансформация подходов Британии к проблеме будущего Курдистана.

На этом фоне, как пишут в британских источниках, происходила яростная антибританская и антихристианская турецкая пропаганда в северном Курдистане, которая начала приносить плоды и в южном Курдистане, особенно в тех частях Мосульского вилайета, которые были ближе всего к агитационным центрам Ширнака и Джазирата ибн Умара. Британцы были представлены как неверные, которые были полны решимости установить несправедливую и чуждую тиранию над курдами с целью поработить их в своих корыстных интересах, а также в интересах местных христиан, их единоверцев. Религия, патриотизм и местные обычаи — всё должно быть направлено против завоевателей, против «кяфиров» [PRO, AIR, 20/512].

Напряжённость в приграничных регионах, по-видимому, достигла такой интенсивности, что, как сообщалось в британских источниках, все христианские общины между Джазиратом ибн Умаром и Захо оказались в большой опасности. Действительно, антихристианские волнения, как ни печально, вспыхнули в нескольких местах северного Курдистана. Совершенно очевидно, что британское управление в диких северных приграничных районах Мосульского вилайета началось не при самых благоприятных условиях. Так, упомянутая выше миссия Дастернвилля в 1918 г. на пути на Кавказ столкнулась с настоящим исходом ассирийцев в регионе Урмии [Bean, 1941, p. 751].

При этом можно сделать вывод, что стратегические и экономические интересы Великобритании всегда концентрировались на Южном Курдистане из-за его важности для безопасности Месопотамии, а также его потенциальных нефтяных месторождений. Учитывая последний вывод и чрезвычайные обстоятельства, которые окружали возникновение современного Ближнего Востока, кажется логичным поднять следующий вопрос: можно ли возложить ответственность на курдских националистов за нематериализацию независимого Курдистана или на политику европейских держав, в частности Великобритании? Чтобы ответить на этот сложный вопрос, необходимо сосредоточиться на новых политических условиях, возникших в результате Первой мировой войны. С одной стороны, победившие союзные державы, в частности Великобритания, начали перерисовывать новую политическую карту Ближнего Востока, чтобы укрепить своё стратегическое и экономическое положение на большинстве бывших османских территорий, таких как Аравия, Сирия, Месопотамия и Османский Курдистан, а также Персия. С другой стороны, политические элиты новых национальностей, таких как курды, арабы, еврей-сионисты и армяне, выступили с инициативой создания национальных государств для своих соответствующих национальностей.

Что касается Курдистана, то Британия не только распространила свой контроль на южные курдские регионы, но и была напрямую вовлечена во все договоры, которые привели к разделу Курдистана между французской Сирией, британской Месопотамией и Турцией в период между 1920 и 1923 годами. Другими словами, если бы отстаивание британских интересов требовало формирования курдского государства в период 1918–1923 годов, Британия находилась в той позиции, чтобы

предпринять такой шаг, по крайней мере, в контролируемом Британией Южном Курдистане. Есть несколько примечательных примеров, когда консолидация британских интересов требовала создания новых государств на Ближнем Востоке. При этом нельзя недооценивать роль курдских националистических движений в вопросе невозникновения курдского государства. Эти движения были политически разделены в основном из-за преобладающей племенной структуры курдского общества. Курдистан, страна в основном суровых горных районов с нехваткой достаточного количества дорог, железных дорог и других средств связи, была бы, по мнению британцев, обречена на изоляцию. Что ещё хуже, так это проводимая британцами политика на местах, которая была сосредоточена на разрыве, а не на укреплении всех политических связей между контролируемым британцами Южным Курдистаном и остальными курдскими районами. В таких социальных, географических и политических условиях было крайне сложно политически сформировать общекурдистанскую националистическую организацию с единым руководством и чёткой стратегией и программой.

С учетом вышесказанного министр Востока Гертруда Белл убедила Т. Э. Лоуренса и Уинстона Черчилля, тогдашнего государственного секретаря по делам колоний, включить курдов в состав государства Ирак, чтобы гарантировать, что король Фейсал I будет править преимущественно суннитским населением. Именно эта точка зрения победила — с долгосрочными последствиями для курдов — точку зрения майора Эдварда Ноэля, политического офицера в Сулеймании, который выступал за независимое государство или автономию для курдов.

В целом же после бурного послевоенного периода с Лозаннским договором 1923 года, который сыграл важную роль в установлении контуров современной государственной системы Ближнего Востока, вопрос о курдском самоопределении перестал быть темой международной дипломатии. С тех пор курдский вопрос стал, по крайней мере с точки зрения великих держав, внутренним вопросом новообразованных национальных государств региона или, в редкие моменты, вопросом прав человека и меньшинств.

Обращающей на себя особенностью британской политики в отношении курдов было то, что британцы постоянно избегали любых действий, которые могли бы привести их к глубокому вовлечению в курдские дела. Только в конце 1919 года Британия начала формулировать хоть какие-то принципы, определяющие её подход к курдскому вопросу, а именно отрицание любого британского или иностранного мандата отдельно для Курдистана. По более прямым вопросам, касающимся будущего Курдистана, Британия ждала хода дебатов на мирной конференции, прежде чем принять свою окончательную позицию. Лондон стремился проводить такую курдскую политику, которая учитывала бы постоянно меняющиеся реалии в регионе, такие как рост кемалистского движения в Турции. При этом Франция, имперский соперник Британии, требовала территориальных и экономических компенсаций за отказ от Мосула, тогда как Америка была особенно заинтересована в армянском мандате. По вопросу установления тесных политических отношений с курдскими националистами британские официальные лица в Константинополе и Багдаде выражали серьёзные сомнения. Они особо выступали против любой британской поддержки курдских политических усилий или британского признания единого Курдистана. Они считали, что удовлетворение курдских националистических устремлений не принесёт пользы стратегическим интересам Великобритании, поскольку курдские националисты были незначительной политической силой в регионе. В своих отчётах в Министерство иностранных дел и Министерство по делам Индии другие должностные лица всё чаще критиковали курдские националистические движения и их основных сторонников, подчёркивая их разобщённость, отсутствие влияния и легитимности, а также предполагая, что они не имели отношения к реальности в Курдистане, поскольку давно жили за пределами его территории. Это касалось в первую очередь таких фигур, как Шариф паша и Бедирханы. Некоторые из их отчётов описывали курдских националистов как оппортунистов, а курдские националистические движения как не более чем племенные волнения, мотивированные страхом

курдских вождей перед европейским возмездием за предполагаемые военные расправы над христианами, в частности, армянами [Records of the Kurds, vol. 5, p. 145]. Британия выступала против любых попыток политической мобилизации курдов, какими бы мирными и законными ни были методы. Проведение независимых политических инициатив в Курдистане, по мнению британцев, должно было иметь опасные последствия для британских интересов, как это ранее продемонстрировало восстание шейха Махмуда в Южном Курдистане. Политически взрывоопасный Курдистан также мог привлечь внимание враждебных Британии держав, особенно большевистской России. На этом фоне Британская высшая комиссия в Константинополе недвусмысленно предупредила курдских лидеров, что политическая нестабильность и повстанческие движения в Курдистане негативно повлияют на позицию Великобритании по курдскому вопросу на мирной конференции. Таким образом, курдские лидеры столкнулись с дилеммой: с одной стороны, они чувствовали, что Британия ставит под сомнение их политическое влияние в Курдистане и силу курдских националистических настроений, с другой стороны, когда они пытались продемонстрировать степень своего влияния и масштаб курдской национальной мобилизации, британские чиновники предупредили их о крайне негативных последствиях, если они будут замечены в подготовке движения против турок или чего-либо в этом роде. Другими словами, курдские националисты не должны вызывать раздражения у турок своей политической деятельностью в Курдистане. Им следует дожидаться результатов мирной конференции. В то время как британская позиция была таковой, турецкие власти начали репрессивные кампании против курдских националистов, распустив их организации и комитеты, арестовывая курдских активистов и разгоняя их политические собрания в Константинополе и по всему Курдистану [Records of the Kurds, vol. 5, p. 256].

Когда британское правительство запросило информацию о подходящем лидере курдских националистов, с которым можно было бы вести диалог о курдских устремлениях на мирной конференции, британские чиновники в Константинополе и Багдаде констатировали отсутствие такого приемлемого курдского лидера. Они подчеркнули, что не существует ни курдского вопроса, ни курдского националистического движения и что влияние тех, кто утверждал, что представляет всех курдов, было минимальным для самих курдов на местах. Реальность курдских националистических движений значительно отличалась от того, что изображали эти британские чиновники. Помимо Исмаила Аги Симко, чьё влияние в основном ограничивалось его собственной племенной конфедерацией, влияние таких националистических лидеров, как шейх Абдулькадир, Бедирханы и шейх Махмуд, охватывало многие курдские регионы. Оно никоим образом не ограничивалось одним племенем или конфедерацией племён. Поэтому эти лидеры могут считаться не вождями племён, а именно национальными лидерами. Более того, курдские националистические движения включали высокопоставленных военных и гражданских деятелей, а также студентов, интеллектуалов и ремесленников. Основная курдская националистическая организация, «Курдский клуб», которая вела политическую пропагандистскую кампанию и мобилизовывала курдское общественное мнение за создание Курдистана, имела отделения по всему Северному и Западному Курдистану, например, в Диярбакыре, Сиирте, Сауи, Мардине и Джазире. Она привлекала в свои ряды курдских государственных служащих, ремесленников и офицеров из Османской армии и полиции.

Последствия британского правления можно суммировать следующим образом. Во-первых, это создание современного Ирака. Британцы создали современное государство Ирак, объединив три провинции Османской империи. Во-вторых, эта политика породила нестабильность: её главный принцип — «разделяй и властвуй» создал глубокие расколы в иракском обществе, которые продолжают влиять на политику страны по сей день. Британцы оставили Ирак зависимым от нефтяных доходов, что сделало его экономику уязвимой для колебаний цен на нефть. В-третьих, британское правление привело к значительным социальным и культурным изменениям в Месопотамии, включая введение западной системы образования и правовой системы.

Особую чувствительность британской колониальной политике придавали так называемые «акты возмездия» (в международном праве — reprisals), когда в ответ на убийства английских солдат и офицеров Великобритания предпринимала действия карающего свойства, как то бомбардировки королевскими ВВС непокорных племён, использование отравляющих газов как против арабов, так и против курдов, в том числе и с целью подавления восстания курдского шейха Махмуда Барзанджи⁶.

Во многих отношениях курдская политика, вроде бы наметившаяся на Каирской конференции, была свёрнута британскими Королевскими военно-воздушными силами (RAF), которые доказали свою чрезвычайную эффективность против турецких позиций в Ираке, а также в деле подавления второго восстания шейха Махмуда. Успех новой «воздушной технологии» бомбардировок окажется грозным оружием в руках британских реакционеров (в лице которых выступила и впервые победившая Лейбористская партия Британии), для которых опыт Ирака в период 1920–1923 годов стал победой сторонников использования воздушной военной техники с целью подавления повстанцев над военными традиционалистами и сторонниками гибкой линии в отношениях с курдами.

Курдское государство так и не возникло в силу указанных причин, лишь просуществовав в форме краткосрочного повстанческого государства «Королевство Курдистан», ограниченного территорией Сулеймании. Вопрос о курдском суверенитете здесь был закрыт вплоть до решения Великобритании и Соединенных Штатов после войны в Персидском заливе в 1991 году о создании местного курдского самоуправления, что явилось новой страницей на пути поиска курдского самоопределения.

Литература / References

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Полиитархив» F.O.S.W.I. № 66881/N/50/ April 2, 1917. Письмо послу Набокову [Archive of the Foreign Policies of the Russian Empire. Fund: Political Archive. F.O.S.W.I. № 66881/N/50/ April 2, 1917. Letter to the Ambassador Nabokov].

FO (Foreign Office.) 371/4192 Presis of Affair, p. 9.

PRO, AIR (Office of India) 20/513, Note on Rowanduz By Major W. R. Hay, P.O, Arbil.

PRO, AIR (Office of India) 20/512, Kurds And Kurdistan Affairs, pp. 137–144.

Лазарев М. С. *Империализм и курдский вопрос*. М.: Наука, 1989 [Lazarev M. *Imperialism and the Kurdish Question*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Bean C. E. W. Appendix 5: Australians in Mesopotamia. The A. I. F. in France: December 1917 — May 1918. *Official History of Australia in the War of 1914–1918*. Vol. V. Sydney, NSW: Angus & Robinson, 1941.

Eskender S. B. *From planning to partition: Great Britain's Policy Towards the Future of Kurdistan 1915–1923*. Hawler: Culture Press, 2012.

Hurewitz J. C. *The Middle East and North Africa in World Politics: A Documentary Record, Second Edition, Revised and Enlarged*. Vol. 2, British-French Supremacy, 1914–1945. New Haven and London: Yale University Press, 1979.

İşgal Yonetimi 1914–1918, İniltere Devlet Arşivi Raporu. Istanbul, 2016 (in Turkish).

Records of the Kurds. Territory, Revolt, Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Vol. 5.

Nicholson G. W. L. *Canadian Expeditionary Force 1914–1919. Official History of the Canadian Army in the First World War*. Ottawa: Queen's Printer and Controller of Stationery, 1962.

Olson R. Battle for Kurdistan. The Churchill-Cox Correspondence Regarding the Creation of the State of Iraq. 1921–1923. *Kurdish Studies. An International Journal*. 1992. Vol. 5. No. 1–2. Pp. 29–45.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Qatar Digital Library. www.qdl.qa

Aymer Haldane. *Resurrection in Mesopotamia 1920*. URL: <https://www.naval-military-press.com/product/insurrection-in-mesopotamia-1920/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁶ URL: <https://www.naval-military-press.com/product/insurrection-in-mesopotamia-1920/> (дата обращения: 25.01.2025).